

УДК 910:911

ИЗ ИСТОРИИ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ПОИСКА В ЛАНДШАФТОВЕДЕНИИ (К СТОЛЕТИЮ УЧЕНИЯ О ЛАНДШАФТЕ)

© А. Г. ИСАЧЕНКО

Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: greg.isachenko@gmail.com

Сто лет тому назад Л. С. Берг дал первое научное определение географического ландшафта (1913 г.) и предложил считать предметом географии именно ландшафт (1915 г.). Однако прошло еще три десятилетия, прежде чем началась систематическая разработка теоретических основ учения о ландшафте. В статье анализируются основные направления эволюции ландшафтоведения в период его наибольшего подъема начиная с середины 1940-х гг. К началу 1990-х гг. ландшафтоведение накопило обширный опыт фундаментальных и прикладных исследований, и в нем стихийно выработался специфический ландшафтно-географический, или геосистемный, научный метод, имеющий широкое междисциплинарное значение при изучении взаимодействия между обществом и его природной средой, а также для разработки стратегии поведения человечества в условиях нарастающих антропогенных нагрузок на ландшафты. Ближайшей задачей ландшафтоведения следует считать доработку отрывочных методологических суждений и выводов до концепции ландшафтно-географического (геосистемного) научного метода.

Ключевые слова: ландшафтоведение, географический ландшафт, геосистема, ландшафтно-географический научный метод.

*Памяти географов-ландшафтоведов
ушедших поколений — учителей и
старших товарищей.*

Научные теории не возникают внезапно в результате некоего озарения у гениальных личностей. Формулировка основных положений теории требует времени, и, как правило, назвать точную дату ее рождения не всегда возможно. Начало учения о ландшафте принято отсчитывать от известной статьи Л. С. Берга, опубликованной в 1913 г. Но с не меньшим основанием можно было бы принять за точку отсчета его же программную статью 1915 г. в «Известиях РГО», непосредственно посвященную предмету географии. В любом случае эта дата условна, но так или иначе наступило время отмечать столетие учения о ландшафте. В «Известиях РГО» это событие отразилось весьма своеобразно: в одной из статей за 2013 г. вынесена обструкция классическому ландшафтоведению и провозглашается «неоландшафтоведение». Статья вызвала справедливую критику. Последние выпуски «Известий РГО» еще не «покрылись пылью веков», и это освобождает автора данной

статьи от необходимости занимать здесь место цитатами и библиографическими ссылками.

С точки зрения автора статьи, идея «неоландшафтоведения» лежит в русле опасной нигилистической тенденции, возникшей в постсоветские годы. Между тем, несмотря на наличие немалого числа литературных источников по истории отечественного ландшафтоведения, до сих пор нет достаточно полной и всесторонней сводки по этому предмету. Многие источники уже устарели или дают отрывочные характеристики отдельных этапов, региональных научных школ или направлений; время требует пересмотра прежних и переоценки неизбежно устаревающих взглядов и т. д. Все эти обстоятельства побудили автора вернуться к некоторым аспектам истории ландшафтоведения и, прежде всего, к особенностям развития ландшафтоведения как *научной теории*.

В истории развития ландшафтоведения особого внимания заслуживает примерно двадцатилетний период, наступивший после окончания Великой Отечественной войны. Это были годы наиболее значительного подъема в ландшафтоведении, когда оно из стихийного научного движения преобразовалось в самостоятельное теоретическое направление в рамках географии. В это время кадровый состав исследователей обеспечивал преемственность научных идей от еще активно работавших представителей старейшего, дооктябрьского, поколения к уже прочно стоявшему на ногах первому поколению советских географов и одновременно заявляла о себе молодая смена.

Автор этой статьи оказался в самой гуще событий (в частности, когда в 1955 г. ему пришлось выполнять в одном лице функции оргкомитета первого Всесоюзного совещания по ландшафтоведению). К тому времени он уже прошел основательную профессиональную подготовку. Его первыми наставниками были профессора Ленинградского университета Я. С. Эдельштейн, А. В. Граур, С. В. Калесник, С. П. Суслов; а впоследствии прошел неплохую «стажировку» уже в качестве члена коллектива кафедры физической географии ЛГУ в условиях повседневного общения с Л. С. Бергом (в последние четыре года его жизни), С. В. Калесником, В. Б. Сочавой, А. И. Яунпутинем. С конца 1940-х гг. постепенно расширялась сфера деловых контактов с коллегами из Москвы и других городов. Таким образом, автор оказался свидетелем, а в определенной степени и участником многих событий в истории ландшафтоведения, и это не только дает ему моральное право, но и обязывает напомнить о некоторых существенных фактах этой истории и о ее создателях.

Эволюция ландшафтоведческих представлений до середины 1950-х гг. Основные предпосылки для разработки теории географического ландшафта были созданы трудами В. В. Докучаева и его последователей, в особенности Л. С. Берга. В географической литературе заслуги этих ученых нашли достаточно подробное освещение, и вряд ли есть необходимость здесь о них распространяться. Если ограничиться предельно кратким перечнем важнейших теоретических достижений Докучаева и его ближайших последователей, то к ним следует отнести кроме самого общего понятия о ландшафте также и основы учения о географических зонах. Как известно, В. В. Докучаеву принадлежит формулировка *закона* мировой зональности — первого географического закона в истории науки. Далее нельзя не сказать, что Докучаеву и его ученикам были известны территориальные географические подразделения *разных уровней*, основные закономерности их размещения, наличие

латеральных связей между ними, и все эти знания уже тогда были использованы в практике сельского и лесного хозяйства. Однако все эти знания долгое время оставались не объединенными в единую теоретическую систему.

Первое, очень краткое, изложение основных принципов учения о ландшафте мы находим в виде введения к монографии Л. С. Берга о ландшафтных зонах СССР, относящейся к 1931 г. [1]. При всей краткости этого введения в нем содержатся исключительно важные соображения о необходимости историко-генетического подхода к изучению ландшафтов и исследования разных форм их динамики.

До конца 1930-х гг. теоретические основы отечественной географии развивали преимущественно ученые старшего, дооктябрьского, поколения. И надо отдать им должное: когда после окончания Великой Отечественной войны вспыхнул широкий интерес к учению о ландшафтах, можно было опереться на тот богатый задел, который был создан предшественниками.

Первое послевоенное десятилетие (1945—1954 гг.) можно считать переломным в истории ландшафтоведения периодом, начальным этапом приведения в систему накопленных к тому времени знаний. В послевоенные годы наблюдается небывалое расширение интереса к учению о ландшафте со стороны физикогеографов всех частных отраслей. Из числа экономикогеографов ландшафтоведение приобрело в те годы ревностного сторонника в лице Ю. Г. Саушкина. В географической печати стали обсуждаться различные аспекты теории ландшафта, и можно сказать, что первая инициатива в этом направлении принадлежит Л. С. Бергу. В 1945 г. он опубликовал статью, из которой следовало, что разработку теории ландшафта надо начинать с уточнения *предмета* исследования [2].

Как уже было отмечено, исследователи докучаевской школы различали естественные территориальные подразделения разных уровней. Особенно важно добавить, что при решении задач хозяйственного использования земель возникала проблема выделения первичных, или элементарных, участков территории, однородных по природным условиям. Еще в начале XX в. Г. Н. Высоцкий выделял на местности и *обозначал на карте* такие участки в связи с задачами степного лесоразведения и именовал их типами местопроизрастания. Позднее Р. И. Аболин в мелиоративных целях различал однородные участки болотных массивов — *этиморфы*. В 1920-е гг. Б. Б. Полюнов картировал *элементарные ландшафты* Лахтинского болота под Ленинградом в целях его мелиорации; И. В. Ларин дал подробнейшую классификацию и характеристику *микрولандшафтов* как однородных естественных кормовых угодий для степей и полупустынь Прикаспийской низменности. Вершиной достижений в области полевых исследований 1930-х гг. следует считать работы Л. Г. Раменского, руководившего инвентаризацией природных кормовых угодий всей страны. Этот автор ввел понятие об *эпифации* как элементарном природном комплексе, однородном по местоположению, местообитанию и биоценозу. Закономерно повторяющиеся, экологически и генетически сопряженные эпифагии образуют ландшафты [13, с. 62, 340]. Таким образом, согласно Л. Г. Раменскому, географический ландшафт — достаточно сложная территориальная система, имеющая свою морфологию,¹ а также генезис и историю. Здесь нет возможности подробно излагать соображения Л. Г. Рамен-

¹ Между фацией и ландшафтом Л. Г. Раменский различал промежуточное звено — урочище.

ского, которые оказали существенное влияние на последующее развитие теории ландшафта.

Заметим, что приведенные суждения и выводы классиков ландшафтоведения не есть плоды досужих «интеллигентских игр», навеянных некими мифами, но представляют результаты многолетнего научного поиска, обусловленного сугубо практической необходимостью. Этот фактор приобрел еще более очевидное значение после Великой Отечественной войны. Невиданный размах «ландшафтного движения» объясняется не внезапной вспышкой любопытства у разных слоев населения, а всеобщей заинтересованностью в скорейшем восстановлении разрушенного хозяйства, заброшенных земель, освоения новых территорий и т. д.

Толчок к широкой послевоенной дискуссии о предмете, содержании и задачах ландшафтоведения дала статья Л. С. Берга, вышедшая в 1945 г. в «Известиях ВГО» [2]. Л. С. Берг уточнил предмет ландшафтоведения, включив в него не только собственно ландшафт как основной объект исследования, но и весь ряд территориальных комплексов — от *фацции* (элементарной, далее не делимой в географическом отношении ступени), до *ландшафтной зоны*, представляющей собой группировку однотипных ландшафтов и образующую верхний предел ландшафтного исследования. Между этими тремя опорными ступенями таксономической лестницы в процессе исследования могут выделяться промежуточные ступени. Таким образом, Л. С. Берг ясно соединил учение о ландшафтах с докучаевским принципом природной зональности.

Однако С. В. Калесник пошел дальше. В 1947 г. вышел в свет его учебник по общему землеведению [7], в котором он развивает идею (высказанную впервые еще в 1940 г.) о неразрывной связи учения о ландшафте, имеющего дело с *региональными* географическими закономерностями, с идеей А. А. Григорьева о *географической оболочке*, заключающей в себе представление о глобальных географических закономерностях.

Забегая вперед, следует сказать, что соображения С. В. Калесника открывали более широкие перспективы перед ландшафтоведением, в частности связывая его с теорией физико-географического районирования. Л. С. Берг до конца жизни сдержанно относился к понятию о географической оболочке, но это не мешало тесному сотрудничеству его с С. В. Калесником (он опубликовал положительную рецензию на «Общее землеведение») и в конечном счете привело к формированию единой ленинградской ландшафтоведческой школы Берга—Калесника.

Одновременно с С. В. Калесником свою концепцию ландшафтоведения опубликовал Н. А. Солнцев [15].¹ В ее основе — идеи Л. Г. Раменского вместе с его терминологией, т. е. представление о ландшафте как системе сопряженных фаций и урочищ. Но в отличие от Л. С. Берга Н. А. Солнцев исключал из ландшафтоведения природные зоны и вообще все территориальные комплексы рангом выше ландшафта и соответственно проблемы физико-географического районирования. Иными словами, высшим пределом исследования оказывался собственно ландшафт. В центре внимания Н. А. Солнцева была морфология ландшафта [16], и первостепенной задачей ландшафтоведения провозглашалось ландшафтное картографирование с описанием выделенных единиц.

¹ Эта статья Н. А. Солнцева представляет его доклад на II Всесоюзном географическом съезде (1947 г.).

Вероятно, сейчас мало кто знает, что в январе 1947 г. С. П. Суслов (тогда профессор кафедры Л. С. Берга в ЛГУ) выступил на II Всесоюзном географическом съезде в Ленинграде одновременно с Н. А. Солнцевым с большим программным докладом [18]. Первейшей задачей советских географов он считал *разработку теории географического ландшафта*. В своей подробной программе С. П. Суслов не только шел в русле идей Л. С. Берга и С. В. Калесника, но и во многом опережал их в части представления о содержании ландшафтоведения и путях развития его теории и методов исследования.

При всех принципиальных различиях в изложенных концепциях общим было признание собственно ландшафта в качестве основной, или «узловой», категории в системе природных территориальных комплексов. Этот взгляд разделяло большинство теоретиков, в их числе В. Б. Сочава, В. Н. Сукачев, А. А. Григорьев. Возражали против такого значения термина «ландшафт» Д. Л. Арманд, Н. А. Гвоздецкий, Ф. Н. Мильков. В результате создавалась двойственность в употреблении этого термина. Несмотря на появление ряда синонимов «общего», т. е. широкого (внетаксономического) значения (природный территориальный комплекс, или ПТК; географический комплекс; геокомплекс; геосистема), привычное, широкое, значение оказалось очень устойчивым, что вынуждало всякий раз оговариваться, о каком значении идет речь, а чаще об этом можно было судить из контекста.

Таким образом, к концу 1940-х гг. сложились две основные концепции ландшафтоведения. Концепция Н. А. Солнцева способствовала распространению методики полевой ландшафтной съемки, но характеризовалась определенной теоретической ограниченностью и отрывом от других актуальных проблем физической географии. Концепция Берга—Калесника открывала перспективы широких теоретических обобщений и упрочивала статус ландшафтоведения как важного звена в системе географических знаний. Учение о ландшафте неразрывно связывалось с физико-географическим районированием и традиционной описательной физической географией. Фактически ландшафтоведение совпадало с региональной физической географией, если понимать последнюю не как чисто эмпирическую дисциплину, а как региональный раздел физической географии, посвященный изучению региональных закономерностей в рамках ландшафтной сферы Земли и, в свою очередь, логически связанной с другим разделом — общим землеведением, предметом которого служат глобальные географические закономерности.

С конца 1940-х гг. ландшафтоведение приобретает статус учебной университетской дисциплины. В 1947 г. курс «Основы ландшафтоведения» был введен в учебный план географического факультета Московского университета, а в 1950 г. — Ленинградского университета. В последнем одновременно стал читаться курс «Физико-географическое районирование». Тесное переплетение обеих дисциплин оказалось настолько очевидным, что через несколько лет кафедра физической географии ЛГУ постановила объединить их. Эта традиция оказалась весьма устойчивой и вошла в официально утвержденные учебные планы. Оба вузовских учебника по интересующему нас предмету (1965 и 1991 гг.) вышли под названиями соответственно «Основы ландшафтоведения и физико-географическое районирование» и «Ландшафтоведение и физико-географическое районирование».

Наряду с двумя главными центрами ландшафтных исследований возникают на базе местных университетов региональные центры — в Риге, Львове, Воронеже. Основное направление исследований — крупномасштабная ланд-

шафтная съемка — в значительной мере было связано с задачами рационального сельскохозяйственного использования земель. Однако в географической литературе рассматриваемого периода можно встретить и отдельные высказывания, представляющие теоретический интерес, в частности о ландшафтных зонах Мирового океана и ландшафтах морского дна, о взаимоотношениях человека с ландшафтами. Особо следует отметить разработку Б. Б. Полюновым геохимии ландшафта, впоследствии сформировавшейся в самостоятельное междисциплинарное научное направление.

Нашумевший конфликт конца 1940-х—начала 1950-х гг. между Институтом географии АН СССР и географическим факультетом МГУ не имел прямого отношения к учению о ландшафте, хотя в нем использовалась ландшафтоведческая фразеология. В 1953 г. скептическое отношение к ландшафту выразил И. П. Герасимов, назвавший его «синей птицей». Однако это заявление вызвало довольно дружную ответную реакцию, так что его автор осознал свою ошибку. Первая научная дискуссия, имевшая непосредственное отношение к теории ландшафтоведения, относится к началу 1950-х гг. и была вызвана активными попытками некоторых сотрудников Н. А. Солнцева доказать резкость (линейность) ландшафтных рубежей. Эта идея была отвергнута на основе полевого опыта ряда исследователей. Таким образом, можно считать, что она относится к числу тех идей, которые не выдержали испытания временем. С тех пор принцип единства континуальности и дискретности в ландшафтоведении можно считать общепризнанным.

Последующее развитие ландшафтной теории и ее испытание временем. В 1955 г. центром развития ландшафтоведения в стране становится Географическое общество. Для научного направления, не имеющего академического статуса, лучшего варианта не могло и быть. Общество с его демократическими традициями не знало никаких ведомственных барьеров, обеспечивало возможность самого широкого (на всесоюзном уровне) обсуждения научных проблем, публикации результатов исследований и т. д. В 1955 г. в Ленинграде состоялось Первое Всесоюзное совещание по вопросам ландшафтоведения, и на первых порах такие совещания собирались почти ежегодно: в ближайшие 8 лет их было организовано 6, причем в разных регионах страны. С 1959 г. проблемы ландшафтоведения стали обсуждаться на всех съездах Географического общества, а также докладывались советскими географами на международных географических конгрессах.

Всесоюзные совещания ландшафтоведов привлекали внимание географов разного профиля, а также представителей близких естественных наук, способствуя популяризации учения о ландшафте. Однако ареал участников первых четырех совещаний (в Ленинграде, Львове, Тбилиси, Риге) ограничивался европейской территорией страны. Лишь на 5-м совещании в Москве (1961 г.) появился представитель Казахстана. В составе докладчиков преобладали университетские географы. Сотрудники Института географии АН СССР заметно проявили себя на московском совещании 1961 г., но тематику их выступлений можно считать преимущественно «окололандшафтной».¹ Определенный прорыв наступил в 1963 г., когда очередное, шестое, совещание было организовано в Алма-Ате и посвящалось изучению горных ландшафтов. Хотя в составе докладчиков явно доминировали москвичи, были так-

¹ Исключение представлял Д. Л. Арманд, активно участвовавший в работе совещаний с самого начала, но он выступал «от самого себя».

же представители Казахстана, Киргизии, Иркутска и «старых» европейских центров.

В 1957 г. в Иркутске был основан Институт географии Сибири и Дальнего Востока Сибирского отделения АН СССР. Директором его был назначен В. Б. Сочава, под руководством которого институт в относительно короткий срок стал крупным центром географической науки, причем ландшафтным исследованиям придавалось первостепенное значение. Эти исследования постепенно охватили разнообразные территории от северной тайги Западной Сибири до степей Юго-Восточного Забайкалья. Уже в начале 1960-х гг. в научной печати появились первые результаты, в том числе ландшафтные карты, схемы районирования, некоторые теоретические обобщения. В эти же годы были впервые основаны комплексные стационары в типичных ландшафтах разных зон и подзон, имевшие целью проведение многолетних наблюдений.

В конце 1950-х—начале 1960-х гг. наблюдалось также оживление интереса к ландшафтоведению в Институте географии АН СССР. Базисом послужил опыт экспедиционных исследований в Забайкалье и, в частности, разработка физико-географического районирования. Первоначально основное внимание уделялось методам ландшафтных исследований; максимум активности в сфере разнообразных теоретических и прикладных проблем приходится на 1970-е и 1980-е гг.

Работами советских ландшафтоведов стали интересоваться зарубежные географы. В 1959 г. для участия в IV совещании по ландшафтоведению прибыли Е. Кондрачки из Польши и И. Ф. Геллерт из ГДР. Впоследствии наладились связи с географами Чехословакии и других стран социалистического содружества. В 1957—1959 гг. автор этих строк по приглашению китайских коллег прочитал цикл курсов по общему землеведению, ландшафтоведению, физико-географическому районированию, методике полевых ландшафтных исследований и ландшафтному картографированию в университетах Гуанчжоу и Пекина. Аудитория состояла из молодых преподавателей если не из всех, то большинства географических факультетов страны. Тексты всех курсов были тиражированы, так что вышли в свет (за исключением общего землеведения) значительно раньше, чем на русском языке.

Каждое Всесоюзное ландшафтное совещание принимало решение, в котором формулировались задачи научных исследований на самое ближайшее будущее. Если не касаться деталей, то задачи, поставленные первым совещанием — развитие методов полевых ландшафтных исследований и ландшафтного картографирования, — не теряли своей актуальности и приоритетности по меньшей мере на протяжении 10 лет. За это время прогресс в сфере ландшафтного картографирования был поистине феноменальным. В Географическом обществе была создана Комиссия по ландшафтным картам, которая начала свою деятельность с разработки принципов и методов составления крупно- и среднемасштабных карт, т. е. карт съемочных масштабов. Но вскоре была признана необходимость выйти и на уровень региональных обобщений в мелких масштабах — от 1: 1 000 000 и мельче. Стали проводиться экспериментальные разработки в этом направлении, а в 1961 г. на V Всесоюзном совещании по ландшафтоведению было принято решение о создании Ландшафтной карты СССР в масштабе 1: 4 000 000. В ее разработке участвовало более 20 географов из разных регионов, но основная нагрузка легла на ленинградцев. В 1964 г. авторский оригинал карты был представлен к обсуждению

на IV съезде Географического общества, но это был в сущности экспериментальный вариант. Работа над картой возобновилась в 1970-е годы, и лишь в 1988 г. она была опубликована.

Ландшафтные карты быстро приобретали широкую популярность. Уже в 1960-е гг. они стали включаться в содержание региональных (республиканских, областных) атласов и вскоре стали обязательным элементом атласов не только научно-справочного типа, но и школьно-краеведческих. В 1964 г. вышел в свет «Физико-географический атлас мира» [19] — выдающееся произведение мировой комплексной тематической картографии. В нем еще не было собственно ландшафтных карт, но карты физико-географического районирования содержали в себе определенную «ландшафтную нагрузку» (см. далее). Ландшафтное картографирование развивалось настолько интенсивно, что первое пособие по этому предмету, выпущенное в 1961 г. [3], быстро устаревало.

Физико-географическое районирование непосредственно связано с ландшафтоведением с момента основания последнего. Л. С. Берг, как известно, тесно связывал понятие о ландшафте с концепцией природных зон и еще в 1913 г. одновременно с первым научным определением ландшафта дал первую же схему районирования России в форме системы конкретных *ландшафтных* зон. Впоследствии ландшафтно-зональный принцип физико-географического районирования стал общепризнанным, но становилось также очевидным, что этого недостаточно, что наряду с зональным детерминантом существуют иные, *азональные*, факторы, связанные с глобальными процессами тектонического характера. Кроме того, биогеографы, в том числе В. Л. Комаров, уже давно обратили внимание на закономерные изменения биоты на материках в долготном направлении, обусловленные сменами макроклиматических условий в том же направлении, в связи с континентально-океанической циркуляцией воздушных масс. В. Л. Комаров назвал эту закономерность *меридиональной зональностью*, а образуемые ею территориальные подразделения — меридиональными зонами [8]. Впоследствии стало принятым говорить о *секторности* и соответственно о ландшафтных секторах материков как особых региональных физико-географических подразделениях высокого ранга.

По сложившейся традиции таксономическая (иерархическая) система районирования от подразделений высшего ранга к низшим строилась в виде одного ряда путем чередования зональных и аazonальных признаков. Это создавало обманчивую видимость логической подчиненности каждого последующего таксона предыдущему, хотя в их основе лежат разные, независимые одна от другой, географические закономерности (например, аazonальная Полесская область в составе подтаежной зоны).

В 1957 г. начались межвузовские исследования по природному районированию для целей сельского хозяйства. Эти работы растянулись до 80-х гг. прошлого столетия, но в сущности не были закончены. Результаты издавались в виде монографий по административно-территориальным единицам страны, но охватили далеко не все подразделения, так как не существовало сколько-нибудь согласованных теоретических принципов и методов районирования. Тем не менее в 1968 г. кафедра физической географии Московского университета опубликовала сводку по физико-географическому районированию СССР [20]. Однако этот труд не лишен существенных недостатков. В частности, авторы недооценили значение широтной зональности, а в

целом не доставало комплексного *ландшафтно-географического* подхода к физико-географическому районированию.

В названной работе региональная физико-географическая характеристика строится по трехчленной таксономической системе: страна (физико-географическая)—зона—провинция. По существу за основу взят азональный принцип. Зоны выделяются внутри стран, притом весьма схематично, подзоны отсутствуют; секторная структура никак не отражена. Так, в пределах Русской равнины (страна) различается всего лишь 6 зон, тогда как в действительности здесь можно насчитать не менее 12 зональных подразделений второго порядка (т. е. с подзонами). В частности, выделена единая «лесная зона», куда вошли тайга, подтайга и зона (по другому варианту подзона) широколиственных лесов. Эта «зона» делится на 19 провинций (по существу по азональным признакам). В результате в одной зоне оказалась и Печорская тайга, и Западная Украина с Прикарпатьем, принадлежащие широколиственно-лесной зоне.

В содержание «Физико-географического атласа мира» (ФГАМ) вошли карты физико-географического районирования всей суши Земли [19]. Они были выполнены группой сотрудников кафедры физической географии зарубежных стран МГУ в соответствии с принципами, разработанными Е. Н. Лукашовой [9]. В блок карт этой тематики входят 2 мировые карты, 6 карт материков, а также карта СССР. Надо сразу же сказать, что здесь мы имеем дело с двумя самостоятельными системами районирования. Одна из них, называемая собственно физико-географической, представляет собой типично азональный ряд: страна—область—подобласть.¹ Другая система носит название «Типы природных ландшафтов суши Земли» (по зональным особенностям) и насчитывает 59 подразделений, в которых типологическое понятие о зоне как типе ландшафтов отождествляется с индивидуальным понятием (зона как регион). В природе контуры тех и других в деталях, как правило, не вполне совпадают, но, оставляя в стороне некорректность их отождествления, обратим внимание на другую особенность зонального ряда. В легенде карт он состоит из двух ступеней: высшей служат широтные пояса (арктический, умеренный и т. д.), зональные типы представлены в их составе как подразделения второго порядка. Но в действительности здесь негласно и незримо присутствует еще одна составляющая, а именно *секторальная*. Внутри каждого пояса зоны сгруппированы по секторам, которые различаются по степени континентальности климата в зависимости от положения на континенте. Так, в полосе тайги умеренного пояса выделено 5 зональных типов, сменяющихся с запада на восток. Таким образом «зональные типы» представлены не сплошными полосами, а секторными «отрезками». По существу это уже *производные* «зонально-секторные» таксономические единицы, объединяющие два независимых фактора региональной ландшафтной дифференциации. Этот пример может служить наглядным дополнительным доказательством того, что уложить всю систему региональных физико-географических единиц в один иерархический ряд невозможно.

¹ Следует заметить, что определение страны как высшей азональной ступени физико-географического районирования дал еще в 1946 г. А. И. Яунпутинь [22]. Одновременно он представил физико-географическое районирование всей суши Земли, в котором все континенты разделены на 25 стран и, кроме того, выделено 5 групп океанических островов [там же].

Во ФГАМе азональное и зональное районирование представлено отдельно на двух мировых картах, но на более детальных картах материков обе системы совмещены: зональные типы отображены цветным фоном; на него накладывается сетка азональных стран, областей и подобластей, границы которых показаны линиями разной толщины и цвета. Те и другие обозначены соответствующими индексами. В результате пересечения всех границ на картах образуется сетка конечных контуров, которые можно рассматривать как интегральные, однородные для данного масштаба регионы, но они не имеют никакого «статуса» — ни собственных названий, ни таксономического ранга.

Несовместимость зональной и азональной дифференциации ландшафтов привела к идее так называемой двухрядной системы районирования. Сущность ее состоит в выделении связующих между ними производных «зонально-азональных» регионов. В простейшем виде, если принять за исходные таксоны страну и область в азональном ряду, а зону с подзонами — в зональном, мы получаем 4 производные ступени: 1) зону в пределах страны, 2) подзону в пределах страны, 3) зону в пределах области и 4) подзону в пределах области. Первые две ступени можно рассматривать как макроландшафтные регион и подрегион соответственно; вторые две — как ландшафтные мезорегионы — провинцию и подпровинцию. Вся система сходится в низовом ландшафтном районе, соответствующем ландшафту в узком смысле слова, как территориальной единице однородной и далее неделимой и в зональном, и азональном отношениях. Графически эта система может быть представлена в виде двух лучей — зонального и азонального, сходящихся в низовом ландшафтном регионе, и осевой линии между ними, к которой приурочены интегральные (зонально-азональные) таксоны [4].

В приведенной схеме отсутствует секторность, но она актуальна лишь для самых общих глобальных построений и при необходимости может быть добавлена, как и некоторые другие детерминанты. Так, В. И. Прокаев счел необходимым построить *многорядную систему* ландшафтного районирования с учетом барьерного фактора и высотной поясности [11]. Но закономерности ландшафтной дифференциации, связанные с влиянием горных барьеров и высоты над уровнем моря, в отличие от трех предыдущих не имеют глобального характера и сказываются лишь в некоторых ландшафтных регионах как явления вторичные. Что касается системы, не вполне корректно именуемой двухрядной, то она была апробирована на примере Северо-Запада ЕТР еще в 1965 г. [6], а впоследствии использовалась для ландшафтного районирования России и всей суши Земли.

Нам пришлось задержаться на проблемах физико-географического районирования, поскольку с их решением во многом связана разработка ландшафтной теории. Принципы природного районирования основаны на знании закономерностей территориальной ландшафтной дифференциации, а теория ландшафта начинается с выяснения этих закономерностей. Поэтому ни один географ-теоретик не может пройти мимо проблем районирования, и к середине 1960-х гг. закономерности территориальной дифференциации были уже в общих чертах известны и служили отправным пунктом для дальнейшей разработки ландшафтной теории.

Один из существенных теоретических выводов сводился к необходимости различать два уровня территориальной физико-географической дифференциации — *региональный* и *топологический*. Первый, или верхний, определяется действием факторов глобального масштаба, внешних по отношению к геогра-

фической оболочке (или ландшафтной сфере Земли): положением планеты в Солнечной системе и эндогенными тектоническими процессами, определяющими крупнейшие черты рельефа земной поверхности, ее геологическое строение, соотношение суши и Мирового океана и т. д. Именно факторы этого рода создают *региональную* географическую дифференциацию, объекты которой именуются *регионами* разного порядка.

Второй, нижний, уровень территориальной физико-географической дифференциации, *топологический*, по терминологии В. Б. Сочавы [17], есть результат действия факторов местного, или локального, масштаба, по существу своему внутриландшафтных, т. е. процессов как бы вторичных по отношению к вышеназванным внешним: эрозии и дефляции, деятельности ледников, распространения растительного покрова, почвообразования и т. д. Все эти факторы мы имеем основание считать собственно *ландшафтно-географическими*. Они создают фации и урочища как морфологические части ландшафта. Последний, следовательно, выступает как узловая геосистема (термин В. Б. Сочавы), расположенная на стыке двух главных категорий иерархии геосистем. Хотя этот взгляд разделяется не всеми географами, каких-либо убедительных доводов против не приводилось.

Между тем существуют серьезные различия в методах исследования топологических и региональных геосистем. Первые могут быть изучены и описаны с нанесением на карту только в натуре, т. е. в поле. Это обстоятельство дало повод В. Б. Сочаве выделить в составе ландшафтоведения геотопологию как особое направление, требующее, в частности, организации стационарных исследований (чему и было положено начало уже в 60-е гг. прошлого столетия). Исследования и теоретические обобщения на региональном уровне предполагают охват обширных пространств, вплоть до всей суши земного шара. Это требует наличия информации, которая добывается камеральным способом. Хотя при этом желательно знакомство с предметом в натуре, оно достигается путем выборочного маршрутного обследования.

В теоретических дискуссиях 1950-х гг. видное место занимал спор между сторонниками и противниками либо так называемого типологического, либо регионального понимания ландшафта. Сама постановка вопроса не вполне корректна. Любой объект может рассматриваться как в индивидуальном разрезе (а региональный подход именно индивидуальный), либо в контексте его принадлежности к определенной типологической общности многих сходных или родственных объектов. В отношении к ландшафту некоторые географы обнаруживали односторонний подход. Не было в этом вопросе ясности и у Л. С. Берга. В одних случаях он приводил в качестве примера ландшафта конкретные индивидуальные, имеющие собственное географическое название территориальные объекты, в других — типологические, т. е. классификационные, объединения (в частности, по зональному сходству). Вопрос отпадает сам собой, если принять во внимание «узловое» положение ландшафта в иерархическом ряду геосистем: одинаково важное значение в зависимости от цели исследования или практического использования может иметь как индивидуальный, так и типологический подход к ландшафту. Иное дело — таксоны регионального и топологического уровней. Применительно к первым индивидуальный подход актуальнее, и тем более, чем выше таксономический ранг региона. Для геосистем топологического, т. е. внутриландшафтного, масштаба, как правило, практически чаще важен типологический подход.

Можно вспомнить также о спорах по поводу так называемой линейности ландшафтных границ. Но эта концепция была довольно быстро преодолена, и единство континуальности и дискретности в ландшафтной сфере Земли большинством теоретиков как бы само собой подразумевалось. Эта проблема вряд ли заслуживала преувеличенного значения, какое ей иногда придавалось в последующие годы. Заметим, что принцип континуальности в ландшафтоведении вполне согласуется с известными высказываниями Ф. Энгельса о несовместимости абсолютно резких разграничительных линий с теорией развития. По его словам, представление о твердых и прочных границах присуще старому метафизическому методу, но «...для повседневного обихода, для научной мелкой торговли метафизические категории сохраняют свое значение» [21, с. 528]. Современная география вынуждена прибегать к подобной «мелкой торговле», в частности при составлении карт и особенно в прикладных исследованиях. Но это не имеет отношения к теории и скорее связано с методикой (рабочими методами) исследований.

В идее двухрядного (= многорядного) ландшафтного районирования, о чем шла речь выше, следует усматривать истоки концепции полиструктурности геосистем, привлечшей внимание ландшафтоведов в 1970-е гг. после появления публикации К. Г. Рамана [12], и здесь мы на ней задерживаться не будем.

Из других теоретических проблем ландшафтоведения середины XX в. можно было бы назвать динамику ландшафта и взаимоотношения в системе человек—ландшафт. Но их разработка находилась на начальной стадии, хотя обе привлекали внимание Л. С. Берга ([1] и др. работы). О важности изучения динамики ландшафта писал Н. А. Солнцев [15], о культурном ландшафте — Ю. Г. Саушкин [14].

В целом имеются основания утверждать, что примерно к середине 1960-х гг. ландшафтоведение в СССР достигло уровня относительной теоретической зрелости, но впереди еще предстояло решить немало серьезных теоретических проблем.

Время наивысшей научной активности в сфере ландшафтоведения относится к периоду между серединой 60-х и началом 90-х гг. прошлого столетия. В географической литературе еще нет фундаментального анализа и обобщения теоретических достижений многообразных направлений, возникших в ландшафтоведении за эти годы. Тем более нереально пытаться приблизиться к этому в журнальной статье. Здесь мы ограничимся лишь самыми общими замечаниями в тезисной форме. Некоторые подробности можно найти в работе автора [5].

Среди приоритетных теоретических задач, к которым обратились ландшафтоведы рассматриваемого периода, надо назвать *динамику ландшафта*. Под этим понятием имеется в виду широкий спектр проблем от сезонной динамики (сближавшей ландшафтоведов с фенологами) до многолетних и даже многовековых природных ритмов (нередко требующих применения методов палеогеографии), а также направленных эволюционных процессов в ландшафтах и, наконец, ландшафтных изменений антропогенного происхождения. Последний аспект непосредственно сближал и перекрывал динамическое направление, практически перераставшее в *историко-динамическое*, с *антропогенным* направлением.

Интерес к проблеме взаимодействия человека и ландшафта, как уже отмечалось, можно считать традиционным для ландшафтоведения, но он стал,

можно сказать, «повальным» с 1970-х гг. Особенно заметным толчком явилась публикация Ф. Н. Милькова [10], вызвавшая волну дискуссий. Разногласия и споры по этой всегда актуальной теоретической и методологической проблеме не прекращаются до сих пор и, надо полагать, будут продолжаться.

Всеобщее увлечение системным подходом, охватившее ученых в 1960—1970-х гг., сказалось и в географии, хотя для нее этот подход не был новым, но назывался *комплексным*. Более того, есть веские основания искать истоки этого подхода в идеях В. В. Докучаева, а конкретное воплощение — в ландшафтоведении, поставившем своей целью изучение природных территориальных комплексов. Однако полуофициальное признание общенаучного значения системного (комплексного) подхода имело положительное значение для развития ландшафтной теории. Это привлекло внимание ландшафтоведов к вопросам целостности ландшафтов как *геосистем*, их структуры, функционирования, организации, саморегулирования и так далее, к представлению о ландшафтах как пространственно-временных системах. В рамках ландшафтоведения возникли специализированные направления, в частности физика, или геофизика, ландшафта. В геохимии ландшафта, корни которой имели более глубокое происхождение, наблюдалась тенденция превратиться в самостоятельную междисциплинарную отрасль знания на стыке ландшафтоведения и геохимии.

Ландшафтоведение не избежало и влияния массовой экологизации, приведшей к профанации самого научного понятия «экология» и к весьма поспешным суждениям и практическим решениям в области географической науки и высшего географического образования. В научный обиход широко вошло понятие о геоэкологии; многие специалисты считают себя геоэкологами, но не могут внятно объяснить, в чем состоят их научные задачи. Из ландшафтоведов лишь немногие, и среди них В. Б. Сочава, нашли в своей науке подлинно экологические аспекты для изучения.

В целом к началу 1990-х гг. в советском ландшафтоведении накопился значительный теоретический потенциал. О том, что учение о ландшафте выдержало испытание временем, а точнее практикой, свидетельствует бурное развитие прикладного ландшафтоведения в его многочисленных направлениях — от традиционного агропроизводственного до комплексного территориально-планировочного и разработки ландшафтно-географической концепции оптимизации природной среды. В конце этого периода советские географы вплотную подошли к разработке ландшафтно-географического прогноза. Можно было бы немало сказать о «скачке» в развитии методов ландшафтных исследований.

Однако все сказанное не исключает недостатков в состоянии теоретического ландшафтоведения. Наличие нерешенных проблем, противоречия и споры между теоретиками — все это естественно и неизбежно в любой науке. Среди теоретических обобщений рассматриваемого этапа эволюции ландшафтоведения надо выделить фундаментальную монографию В. Б. Сочавы [17], содержащую концепцию геосистем как объектов физико-географического исследования. Под геосистемами автор понимал весь ряд природных территориальных комплексов — от фации до географической оболочки, в котором различаются три ступени (размерности): планетарная, региональная и топологическая. Основное внимание автор уделяет двум последним, составляющим предмет собственно ландшафтоведения. Проблемы теории региональных и топологических геосистем рассмотрены со всей возможной полно-

той и логической последовательностью, включая сочетание индивидуального и типологического подходов к изучению геосистем, их эволюции и динамики, соотношение с экологией и др. Наряду с понятием о геосистеме В. Б. Соचाва внес в ландшафтоведение ряд новых понятий и соответствующих терминов (например, геомер, геохора, инвариант, анаболизм, гомеостаз, сенсбилизм геосистем и др.). Вероятно, некоторые новшества автора можно оспаривать, но вряд ли стоит отвергать сход, без серьезной аргументации.

Заключение. К началу 1990-х гг. в ландшафтоведении накопился существенный опыт фундаментальных и прикладных исследований, значение которого выходило за рамки интересов географии и приобрело междисциплинарный методологический характер. В процессе расширения своих исследований ландшафтоведы выработали особый комплексный подход, или научный метод изучения взаимоотношений между человеком и географической средой. Но этот метод применялся стихийно, он до сих пор не получил оформления в виде более или менее завершенной методологической концепции и лишь может именоваться как ландшафтно-географический. Трудности, возникшие перед наукой после распада СССР, общеизвестны. Наука в стране оказалась в состоянии глубокого и затяжного кризиса, и география в этом отношении не является исключением. Из этого, однако, не следует, что ландшафтные исследования вовсе лишились перспектив дальнейшего развития. При любых внешних условиях всякая наука имеет свои внутренние закономерности развития. И для ландшафтоведов, в частности, наступило время сформулировать концепцию ландшафтно-географического (иначе — геосистемного) научного метода.

Список литературы

- [1] Берг Л. С. Ландшафтно-географические зоны СССР. Сельхозгиз, 1931. 401 с.
- [2] Берг Л. С. Фации, географические аспекты и географические зоны // Изв. ВГО. 1945. Т. 77, вып. 3. С. 162—164.
- [3] Исаченко А. Г. Физико-географическое картирование. Ч. III. Л.: Изд-во ЛГУ, 1961. 268 с.
- [4] Исаченко А. Г. Основные принципы физико-географического районирования и вопросы построения системы таксономических единиц // Уч. зап. ЛГУ. 1962. № 317. С. 21—53.
- [5] Исаченко А. Г. Ландшафтоведение вчера и сегодня // Изв. РГО. 2006. Т. 138, вып. 5. С. 1—20.
- [6] Исаченко А. Г., Дашкевич З. В., Карнаухова Е. В. Физико-географическое районирование Северо-Запада СССР. Л.: Изд-во ЛГУ, 1965. 248 с.
- [7] Калесник С. В. Основы общего землеведения. М.; Л.: Учпедгиз, 1947. 484 с.
- [8] Комаров В. Л. Меридиональная зональность организмов. Дневник I Всесоюзного съезда русских ботаников. Пг., 1921. С. 27—28.
- [9] Лукашова Е. Н. Зональные закономерности и легенда к карте типов ландшафтов суши Земли // Вест. МГУ. Сер. геогр. 1963. № 6. С. 9—16.
- [10] Мильков Ф. Н. Человек и ландшафты. М.: Мысль, 1973. 223 с.
- [11] Прокаев В. И. Физико-географическое районирование. М.: Просвещение, 1983. 176 с.
- [12] Раман К. Г. Пространственная полиструктурность топологических геокомплексов и опыт ее выявления в условиях Латвийской ССР. Рига: Изд-во Латв. ун-та, 1973. 48 с.

- [13] Раменский Л. Г. Введение в комплексное геоботаническое изучение земель. М.: Сельхозгиз, 1938. 260 с.
- [14] Саушкин Ю. Г. К изучению ландшафтов СССР, измененных в процессе производства // Вопр. географии. Сб. 24. 1951. С. 276—299.
- [15] Солнцев Н. А. Природный географический ландшафт и некоторые общие его закономерности // Тр. 2-го Всесоюзн. геогр. съезда. Т. 1. 1948. С. 258—269.
- [16] Солнцев Н. А. О морфологии природного географического ландшафта // Вопр. географии. Сб. 16. 1949. С. 61—86.
- [17] Сочава В. Б. Введение в учение о геосистемах. Новосибирск: Наука, 1978. 319 с.
- [18] Сулов С. П. Основные методические и организационные вопросы советских географов // Тр. II Всесоюзн. геогр. съезда. Т. 3. М., 1949. С. 518—544.
- [19] Физико-географический атлас мира. М.: ГУГК, 1964. 298 с.
- [20] Физико-географическое районирование СССР / Под ред. Н. А. Гвоздецкого. М.: Изд-во МГУ, 1968. 576 с.
- [21] Энгельс Ф. Диалектика природы // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 20. М., 1961. С. 339—626.
- [22] Яунпутинь А. И. К вопросу о физико-географическом районировании // Изв. ВГО. 1946. Т. 78, вып. 1. С. 91—108.

Поступило в редакцию
19 февраля 2015 г.

From the history of theoretical search in landscape science (on the centenary of landscape concept)

© A. G. Isachenko

Saint Petersburg State University
E-mail: greg.isachenko@gmail.com

A hundred years ago L. S. Berg had formulated the first scientific definition of the geographical landscape (1913) and proposed to regard landscape as the main subject of geography (1915). Another three decades had passed before the systematic development of the theoretical foundations of the landscape concept has begun. The article analyzes the main directions of evolution of landscape science in the period of its greatest growth since the mid 1940s. To the early 1990s, the landscape science (*landshaftovedenie*) has accumulated extensive experience of fundamental and applied research, and spontaneously developed a specific landscape-geographical scientific method, having a wide interdisciplinary value in the study of the interactions between society and its natural environment, and for developing strategies of humanity at the face of increasing anthropogenic press on landscapes. The immediate objective of the landscape science should be considered as the revision of fragmentary methodological judgments and conclusions to the concept of landscape-geographic (geosystemic) scientific method.

Key words: landscape science, geographical landscape, geosystem, landscape-geographic scientific method.

References

- [1] Berg L. S. Landshaftno-geograficheskie zony SSSR. Sel'hozgiz, 1931. 401 s.
- [2] Berg L. S. Facii, geograficheskie aspekty i geograficheskie zony // Izv. VGO. 1945. Т. 77, вып. 3. С. 162—164.

- [3] *Isachenko A. G.* Fiziko-geograficheskoe kartirovanie. Ch. III. L.: Izd-vo LGU, 1961. 268 s.
- [4] *Isachenko A. G.* Osnovnye principy fiziko-geograficheskogo rajonirovanija i voprosy postroenija sistemy taksonomicheskikh edinic // Uch. zap. LGU. 1962. N 317. S. 21—53.
- [5] *Isachenko A. G.* Landshaftovedenie vchera i segodnja // Izv. RGO. 2006. T. 138, vyp. 5. S. 1—20.
- [6] *Isachenko A. G., Dashkevich Z. V., Karnauhova E. V.* Fiziko-geograficheskoe rajonirovanie Severo-Zapada SSSR. L.: Izd-vo LGU, 1965. 248 s.
- [7] *Kalesnik S. V.* Osnovy obshhego zemlevedenija. M.; L.: Uchpedgiz, 1947. 484 s.
- [8] *Komarov V. L.* Meridional'naja zonal'nost' organizmov. Dnevnik I Vsesojuznogo s'ezda russkikh botanikov. Pg., 1921. S. 27—28.
- [9] *Lukashova E. N.* Zonal'nye zakonomernosti i legenda k karte tipov landshaftov sushi Zemli // Vest. MGU. Ser. geogr. 1963. № 6. S. 9—16.
- [10] *Mil'kov F. N.* Chelovek i landshafty. M.: Mysl', 1973. 223 s.
- [11] *Prokaev V. I.* Fiziko-geograficheskoe rajonirovanie. M.: Prosveshhenie, 1983. 176 s.
- [12] *Raman K. G.* Prostranstvennaja polistrukturnost' topologicheskikh geokompleksov i opyt ee vyjavenija v uslovijah Latvijskoj SSR. Riga: Izd-vo Latv. un-ta, 1973. 48 s.
- [13] *Ramenskij L. G.* Vvedenie v kompleksnoe geobotanicheskoe izuchenie zemel'. M.: Sel'hozgiz, 1938. 260 s.
- [14] *Saushkin Ju. G.* K izucheniju landshaftov SSSR, izmenennyh v processe proizvodstva // Voprosy geografii. Sb. 24. 1951. S. 276—299.
- [15] *Solncev N. A.* Prirodnyj geograficheskij landshaft i nekotorye obshhie ego zakonomernosti // Tr. 2-go Vsesojuzn. geogr. s'ezda. T. 1. 1948. S. 258—269.
- [16] *Solncev N. A.* O morfologii prirodnogo geograficheskogo landshafta // Voprosy geografii. Sb. 16. 1949. S. 61—86.
- [17] *Sochava V. B.* Vvedenie v uchenie o geosistemah. Novosibirsk: Nauka, 1978. 319 s.
- [18] *Suslov S. P.* Osnovnye metodicheskie i organizacionnye voprosy sovetskikh geografov // Tr. II Vsesojuzn. geogr. s'ezda. T. 3. M., 1949. S. 518—544.
- [19] *Fiziko-geograficheskij atlas mira.* M.: GUGK, 1964. 298 s.
- [20] *Fiziko-geograficheskoe rajonirovanie SSSR* / Pod red. N. A. Gvozdeckogo. M.: Izd-vo MGU, 1968. 576 s.
- [21] *Jengel's F.* Dialektika prirody // K. Marks, F. Jengel's. Soch. 2-e izd. T. 20. M., 1961. S. 339—626.
- [22] *Jaunputnin' A. I.* K voprosu o fiziko-geograficheskom rajonirovanii // Izv. VGO. 1946. T. 78, vyp. 1. S. 91—108.
-